

(л. 7, 12–12 об.) [1, с. 442], а об Андрее Русакове – после [1, с. 487], хотя списки в статьях должны идти в хронологической последовательности [1, с. 10]. Второй список (л. 140–141) мало отличается от нашей датировки [1, с. 67, 93, 105, 442, 484, 619, 626].

Структурная близость списков 1631/32–1632/33 гг. к списку 1633/34 г. позволяет реконструировать утраченную часть последнего с л. 93, который обрывается на фразе «14 рублей», а следующий лист начинается со слов «по 12 рублей». 14 рублей по спискам 1631/32–1632/33 гг. получал только Богдан Раковский, служащий в Иноземском приказе в 1626/27–1652/53 гг. [7, л. 370; 8, л. 462], как раз в списке 1633/34 г. отсутствующий. Были ли еще какие-либо данные на месте этой лакуны? Вероятнее всего, нет: утеряна небольшая часть листа, фраза «14 рублей» означает, что только один подьячий получал денежный оклад такого размера, и в списках за 1631/32–1632/33 гг. нет других подьячих с окладами в интервале 12–14 рублей.

Список подьячих с л. 176–177 сильно отличается от остальных, содержащихся в деле 103, по составу подьячих. Он практически идентичен списку 1643/44 г. [9, л. 340]. Но в последнем подьячий Юшка Васильев относится к Иноземскому приказу, а в списке с л. 176–177 после написания был вычеркнут. Поскольку Юшка Васильев встречается в Иноземском приказе, то вычеркнут он мог быть из списка подьячих только после того, как выбыл из приказа. Тем более что состав подьячих за 1641/42 г. отличается от рассматриваемого списка [6, л. 2 об.]. Но список с л. 176–177 не мог быть составлен позже 23 апреля 1647 г., когда упоминающийся в нем подьячий Смирной Богданов был пожалован в дьяки [3, с. 361]. Поэтому, вероятнее всего, этот список может быть отнесен к 1644/45–1645/46 гг. Но не только в датировке списка с л. 176–177 Н.Ф. Демидова допустила, полагаем, неточности. Еще одна ошибка связана с подьячими Емельяном Полуектовым и Евдокимом Яковлевым. Они значатся в справочнике Н.Ф. Демидовой, со ссылкой на список с л. 176–177, как подьячие Иноземского приказа до 1645 г. [1, с. 442, 647]. На самом деле, их там нет [7, л. 176–177], что сокращает достоверно известную их службу в приказе до 1633 г. и 1634 г. соответственно.

Итак, несмотря на достаточно хорошую общую сохранность списков подьячих, возникают значительные разночтения в интерпретации текста. Отличия в прочтении источника – обычное дело, главное – понять, чье прочтение более обосновано, непротиворечиво и убедительно. В настоящей статье мы постарались проанализировать все списки подьячих Иноземского приказа дела № 103 Столбцов Московского стола Разряда, отнести каждый из них к определенному году и рассмотреть некоторые связанные с ними спорные вопросы.

1. Демидова, Н. Ф. Служилая бюрократия в России XVII века (1625–1700) : биографический справочник. – М. : Памятники исторической мысли, 2011. – 720 с.
2. Записная книга Московского стола Разрядного приказа 7142 года // Русская историческая библиотека. – СПб., 1884. – Т. IX.
3. Записная книга Московского стола Разрядного приказа 7155 года // Русская историческая библиотека. – СПб., 1886. – Т. X.
4. Описание документов и бумаг, хранящихся в Московском архиве Министерства юстиции. – М., 1899. – Кн. XI : Документы Разрядного приказа. Столбцы разрядных столов.
5. Российский государственный архив древних актов (РГАДА). – Ф. 210. Разряд. Книги Московского стола. Кн. 40.
6. РГАДА. – Ф. 210. Разряд. Книги Московского стола. Кн. 50.
7. РГАДА. – Ф. 210. Разряд. Столбцы Московского стола. Д. 103.
8. РГАДА. – Ф. 210. Разряд. Столбцы Московского стола. Д. 320.
9. РГАДА. – Ф. 210. Разряд. Столбцы Московского стола. Д. 594.
10. РГАДА. – Ф. 210. Разряд. Столбцы Московского стола. Д. 881.
11. РГАДА. – Ф. 210. Разряд. Столбцы Московского стола. Д. 905.

Мининков Н.А.

**УТРАЧЕННЫЕ ИСТОЧНИКИ И ОПЫТ ИХ РЕКОНСТРУКЦИИ
(ВОССТАНОВЛЕНИЕ Е.П. ПОДЪЯПОЛЬСКОЙ
БУЛАВИНСКОГО ПОВСТАНЧЕСКОГО АРХИВА)**

Массовые народные движения являлись событиями, которые служили основанием для появления новых документов, формирования и пополнения архивных фондов. Это в полной мере относится к Булавинскому восстанию. В нынешнем году исполняется 120 лет со дня рождения крупнейшего исследователя этого восстания, Е.П. Подъяпольской. В ее фундаментальной монографии об этом восстании [3] существенное внимание уделяется источниковедению восстания, и, в частности, документам, исходившим от восставших.

Некоторые документы булавицев были известны до появления труда Е.П. Подъяпольской. В сборнике документов «Булавиновское восстание (1707–1708 гг.)» было издано пятнадцать документов под общим заголовком «Прокламации и обращения булавицев» [1, с. 450–467].

Проблемы Булавиновского восстания вызвали интерес Е.П. Подъяпольской в связи с ее участием в работе над публикацией «Писем и бумаг императора Петра Великого». Этому также способствовало изучение ею шифровок в правительственной переписке петровского времени. Она обратила внимание, что в ней К. Булавин обозначался, как и гетман И. Мазепа, знаком вилицы [4, с. 329].

К исследованию истории восстания Е.П. Подъяпольская подошла как историк и источниковед. По мере ознакомления с материалом ей стало ясно, что повстанческих документов было значительно больше, но они не сохранились. Однако изложение содержания многих из них, в том числе весьма подробное, имеется в переписке лиц, участвовавших в подавлении восстания, военных и администраторов.

Оценивая существовавшие к тому времени публикации, Е.П. Подъяпольская отмечала их недостатки. Так, было опубликовано письмо атамана Л. Хохлача стольнику С. Бахметеву [1, с. 230]. В записках современника, И. Желябужского, имелось краткое изложение письма Бахметеву [2, с. 116–117]. Но в публикации сказано об этом не было [4, с. 24–25]. Е.П. Подъяпольская предположила, что писем атамана стольнику могло быть больше, одно из них изложено Желябужским.

Е.П. Подъяпольская обращала внимание, что в историографии Булавиновского восстания ничего не было известно о письмах 1707 г., когда восстание только началось и когда К. Булавин писал разным адресатам. За этот год он, по словам историка, «разослал не один десяток писем». Содержание их известно, однако сами письма не сохранились. Е.П. Подъяпольская приводила сообщение острогожского полковника И. Тевяшова, в котором сообщалось об этих письмах. В них сообщалось о жестоких мерах карателей полковника Ю. Долгорукого по розыску беглых на Дону и об убийстве его восставшими казаками. В них Булавин также призвал «побить до смерти» карателей из полка Долгорукого, которые были направлены по разным рекам Донской земли. Она указывала на существование булавиновского письма войску Донскому, в котором он звал казаков и старшин присоединиться к восстанию. Когда в декабре 1707 г., после поражения под Закотным городком, Булавин ушел в Запорожье, от него были направлены письма к запорожцам, а также к гребенским казакам, где он предлагал присоединиться к восстанию. Всего, по данным Е.П. Подъяпольской, им было написано около 30 писем [4, с. 27–28].

За 1708 г., как отмечала Е.П. Подъяпольская, уцелела очень незначительная часть повстанческой переписки, «в пределах двух десятков» писем. Отдельные повстанческие письма, которые не сохранились, излагались в сокращенном, а иногда даже в полном виде, в переписке участников подавления восстания. При наличии материала, позволявшего проводить сравнительное исследование повстанческих документов и документации, исходившей от противников восстания, Е.П. Подъяпольская поставила вопрос о степени точности отражения повстанческих документов в этой документации. Она сравнила текст указа повстанческого войска «“по всем рекам и речкам” о походе против московских полков» в письме булавиновского атамана С. Драного в Запорожскую Сечь от 26 мая и его изложение в двух правительственных документах. Один из них – грамота из Малороссийского приказа от 15 июня гетману И. Мазепе, другой – донесение из Разряда в Ближнюю канцелярию от 9 июня. В последнем войсковой указ излагался по тексту из письма киевского губернатора князя Д.М. Голицына. Е.П. Подъяпольской были сопоставлены два текста – из письма атамана С. Драного и по письму князя Д.М. Голицына. Сопоставление давало основание Е.П. Подъяпольской сделать вывод о том, что «степень передачи повстанческих документов в правительственной переписке» была достаточно точной. Вместе с тем она подчеркнула, что войсковой указ не был пересказан непосредственно «по повстанческому документу», но «является пересказом с пересказа» [4, с. 36]. Такая оценка оставляет впечатление не вполне однозначного отношения Е.П. Подъяпольской к степени достоверности передачи в правительственной документации повстанческих документов, в частности, войскового указа «о походе против московских полков».

Е.П. Подъяпольская привела еще один документ – письмо азовского губернатора И.А. Толстого, пересказанное в донесении Разряда. Губернатор пересказывал пришедшее к нему письмо К. Булавина от 17 июня, которое в подлиннике не сохранилось. По мнению исследо-

вательницы, пересказ Толстого «производит впечатление текста, близкого к подлиннику». В отличие от предыдущего булавинского документа, при характеристике этого документа Е.П. Подъяпольская не выразила ни малейшей доли сомнения в его подлинности. Напротив, она подчеркивала, что имеется основание «включить отписку Булавина от 17 мая 1708 г. в число повстанческих документов» [4, с. 38].

Вместе с тем Е.П. Подъяпольская обратила внимания на случаи неизбежного искажения повстанческих документов в документации, вышедшей из властных структур. Такой случай, считала Е.П. Подъяпольская, возникал, когда повстанческий документ переходил из одной государственной инстанции в другую. Одно из булавинских писем первым излагал строитель Успенского монастыря Иона, по словам Е.П. Подъяпольской, «корреспондент и осведомитель» острогожского полковника И. Тевяшова. Тот, в свою очередь, направил письмо Ионы командиру всеми правительственными силами, подавлявшими восстание, В. Долгорукому, который изложил письмо в своем донесении в Разрядный приказ. Из Разряда письмо с изложением содержания булавинского письма было направлено в Ближнюю канцелярию. Сопоставляя первую инстанцию передачи письма в письме Ионы Тевяшову с последней – из донесения в Ближнюю канцелярию, Е.П. Подъяпольская сделала вывод о том, что в данном случае в целом «многочисленные инстанции не исказили основного содержания письма». Однако они затруднили датировку первоначального булавинского документа. Поскольку письмо Ионы было написано до 30 июня, булавинский документ, делала вывод Подъяпольская, можно датировать июнем [4, с. 38–39].

Этот вывод не лишен гипотетичности. Впрочем, Е.П. Подъяпольская, как опытный источниковед, вполне понимала, что для усиления достоверности вывода о содержании повстанческих писем желательно сравнивать их «с уже известными письмами или с отрывками из них». Такое использование сравнительно-исторического метода в источниковедении было, как отмечалось историком, весьма перспективно. Оно может вести «к неожиданным находкам» и даже «иногда помогает установить более или менее четко содержание письма». Это было прослежено исследовательницей на материалах донесения из Разряда в Ближнюю канцелярию о мерах, предпринимавшихся К. Булавиным для освобождения его жены Анны Семеновны и малолетнего сына, арестованных бывшим войсковым атаманом Л. Максимовым и отправленным в Валуйку. В этом донесении от 9 июня 1708 г. было приведено три письма К. Булавина по этому вопросу киевскому губернатору Д.М. Голицыну. Эти письма удалось сравнить с опубликованными ранее документами – еще одним письмом К. Булавина Д.М. Голицыну и войсковым письмом в казачьи городки по Северскому Донцу с указанием помочь возвращению его жены и обеспечить передачу письма киевскому губернатору. Это позволило сделать вывод о достоверности содержания приведенных в донесении из Разряда булавинских писем.

В связи с наличием в документации, исходившей от правительственных сил, отрывков из булавинских писем Е.П. Подъяпольская ставила вопрос о возможности использования этих отрывков в качестве источников по истории восстания. Она подчеркивала, что для этого недостаточно знания отрывка. Необходимо было, указывала она, знать район, куда оно было направлено, или лицо, которому было адресовано, а также его датировку. Это относилось к отписке тамбовского воеводы, где сообщалось о наличии «воровских прелестных писем» от булавинцев в тамбовских селах. Анализируя краткие сообщения о содержании этих писем, Е.П. Подъяпольская сделала вывод о том, что в первой половине марта 1708 г. в Тамбовском уезде повстанцами «велась агитация», а во второй половине месяца под влиянием агитации «население присоединилось к повстанцам». Особый интерес этих писем состоял в том, что, как отмечала Е.П. Подъяпольская, в них не только велась агитация. Работным людям на тамбовских лесозаготовках повстанцами ставилась задача прекращения работ по изготовлению плотов и отправке этих плотов вниз по Хопру и Дону в Азов [4, с. 42–43].

К сложным проблемам исследования повстанческих документов Е.П. Подъяпольская относилась их датировку. Говоря об одном из ранних прелестных писем, относившихся к 1708 г. и начинавшемся обращением: «Атаманы-молодцы, дорожные охотники, вольные всяких чинов люди, воры и разбойники» [4, с. 46], она указывала, что это письмо датировалось неопределенно. Так, в сборнике документов «Булавинское восстание» оно датировано февралем-мартом. С такой датировкой Е.П. Подъяпольская не соглашалась. Отрицая, что письмо было написано не среди близких к К. Булавину лиц, а от какой-то группы казаков-повстанцев, она указывала, что письмо было написано в крепости Кодак на Днепре. В той крепости находился сам К. Була-

вин и несколько близких к нему лиц, в том числе атаман Н. Голый. Она допускала, что вышло оно «возможно от Голого» и было направлено на привлечение к восстанию новых сил. Датировала его Е.П. Подъяпольская не февралем-мартом, а январем [4, с. 48]. Не менее сложным было, по мнению Е.П. Подъяпольской, установление дат в отрывках из повстанческих писем.

Е.П. Подъяпольская предложила классификацию повстанческих документов. Первой группой она указала «прелестные письма, воззвания или прокламации», которые были адресованы населению России или населению, не входившему в ее состав. Ко второй группе относились обращения или отписки, направленные Петру I или представителям разных ступеней администрации страны. Но отметила при этом, что «грамоты и отписки к царю и царским воеводам составляли почти половину письменного наследия повстанцев». Наконец, в третью группу входили документы переписки повстанческих предводителей друг с другом и письма к ним участников восстания. Что касается датировки, то она отметила существование «нескольких десятков писем за последние три месяца 1707 г. и до 150 писем за 1708 г.» [4, с. 51].

Е.П. Подъяпольская указала на большое значение реконструкции повстанческого архива для общего исследования Булавинского восстания, без которого, по ее словам, «невозможно дать достаточно полные и четкие ответы» на вопросы, связанные с исследованием этой крупной проблемы истории России начала XVIII в.

Реконструкция булавинского архива была важнейшим источниковедческим итогом исследования Е.П. Подъяпольской истории восстания. Ею был сделан вывод о существовании примерно двух сотен документов, исходивших от повстанцев. Она доказала возможность использования переписки командующих карательными силами для выявления повстанческих документов и дала убедительную классификацию этих документов.

1. Булавинское восстание (1707–1708 гг.). – М. : Изд-во Всесоюзного общества политкаторжан и ссыльнопоселенцев, 1935. – 528 с.
2. Дневные записки // Русский архив. 1910. – Кн. 3.
3. Подъяпольская, Е. П. Восстание Булавина. 1707–1709 гг. – М. : Изд-во АН СССР, 1962. – 216 с.
4. Подъяпольская, Е. П. Шифрованная переписка в России первой четверти XVIII в. // Проблемы источниковедения. – М., 1959. – С. 314–341.

Павлова Е.Я.

ОТКРЫТЫЕ ПИСЬМА КАК ИСТОРИЧЕСКИЙ ИСТОЧНИК: ОСОБЕННОСТИ ИЗУЧЕНИЯ

В современном источниковедении с началом XXI в., наблюдается возрастающий интерес к ранее не востребованным группам источников. Одной из таких групп являются открытки. Открытка представляет собой социально значимый объект, так как порождена социальной потребностью. Эти источники соединяют в себе черты письменных, вещественных и изобразительных источников.

Только в течение последних 5–7 лет белорусскими музеями было организовано порядка десяти выставок с использованием открыток. Одной из причин такой активности можно назвать значительные собрания открыток хранящихся в музеях и частных коллекциях. Тем не менее, приходится констатировать, что основную работу по изучению открыток по-прежнему проводят коллекционеры. Прежде всего, следует отметить деятельность лауреата премии «За духовное возрождение» В. Лиходедова и В.М. Целеша.

Термины «открытка», «открытое письмо» и «почтовая карточка» в литературе зачастую употребляются как синонимы. Современная российская исследовательница М.В. Самбур предлагает использовать термин «открытка» дает свою трактовку этого понятия. Открытка представляет собой бланк, на лицевой стороне которого может располагаться изображение, а оборотная сторона предназначена для написания адресовполучателя и отправителя, а также для почтовой марки; для размещения какой-либо информации. Таким образом, к открыткам можно относить как традиционные почтовые карточки, так и открытки, не предназначенные для использования в системе связи [6, с. 3]. Исследователи, изучающие открытку, давно отметили ее огромный информационный потенциал. В зависимости от научно-исследовательских задач, одна и та же открытка будет изучаться по-разному. В качестве примера можно привести свежую ситуацию с приобретением Глубокским историко-этнографическим музеем открытки, от-